
П. М. МОЗИАС

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ РАЗВИТИЯ

Поверхностный взгляд на хозяйственную динамику КНР в 2008–2009 гг. наводит многих комментаторов на мысли, что стабильно и уверенно развивающийся Китай почти не испытал на себе негативного влияния мирового финансового кризиса, что он на глазах становится новым главным локомотивом мировой экономики и стремительно перераспределяет в свою пользу прежние сферы влияния развитых капиталистических стран. Между тем реальное положение вещей, как это обычно бывает, далеко отстоит от упрощенных оценок. В действительности на рубеже 2008–2009 гг. экономика КНР пережила трудности, беспрецедентные за весь период 30-летних реформ, и это лишний раз засвидетельствовало необходимость глубоких структурных изменений в китайской экономике, осуществления дальнейших преобразований, корректировки базовых механизмов экономического роста.

Китайская экономика в последние 30 лет действительно росла среднегодовым темпом, превышавшим 9%. Но экономический рост в КНР был подвержен колебаниям, позволяющим говорить о формировании в китайской переходной экономике особой модели делового цикла. Резкие ускорения прироста ВВП сопровождались скачками инфляции, и для обуздания «перегрева» экономики властям приходилось осуществлять политику по «связыванию» совокупного спроса фискальными и монетарными инструментами. В результате экономический рост замедлялся, а инфляция снижалась. Но, в свою очередь, введенные рестрикции вызывали к жизни такие проблемы, как накопление запасов нереализованной продукции, высвобождение занятых, нарастание «плохих долгов» в банковской системе. В совокупности эти явления «вялости спроса»

подготавливали условия для ослабления финансовой политики и соответственно нового резкого ускорения экономического роста (об особенностях циклической динамики китайской экономики см., например: Лю Шучэн 1997; Лю Шучэн и др. 2008; Ван Шаопин, Ху Цзинь 2009).

Глубинные причины такой хозяйственной динамики коренятся в сложившейся институциональной структуре китайской экономики. Постепенность китайских реформ справедливо считается их достоинством, но надо иметь в виду и то, что она способствовала консервации определенного переходного состояния, которое само по себе способно порождать существенные макроэкономические проблемы. Непроясненность прав собственности, неразделенность финансов предприятий и государства, сохранение среды «мягких бюджетных ограничений» приводят к тому, что в экономике постоянно присутствует избыточный спрос на инвестиции. Гипертрофированный инвестиционный бум ведет к возникновению «перегрева», обуздать который невозможно без специальной противоциклической политики. К тому же со второй половины 1990-х гг. модель китайского экономического цикла стала меняться. Антиинфляционная политика середины 1990-х гг. способствовала не просто замедлению экономического роста, а погружению экономики на несколько лет в состояние дефляции (см. подробнее: Мозиас 2007: 379–417). Выход из нее наметился только в 2002 г., именно с этого момента отсчитывается последний экономический цикл, завершившийся в конце 2008 г. новым резким замедлением под воздействием глобального финансового кризиса.

Главным двигателем экономического роста в КНР, таким образом, традиционно выступает инвестиционный процесс, а он в свою очередь базируется на аномально высокой (до 50 % ВВП) норме сбережения. Стимулы к сбережению в Китае связаны как с традиционными социокультурными особенностями страны и всего Восточноазиатского региона, так и с так называемой «предохранительной мотивацией» – люди откладывают средства из-за неразвитости систем социального страхования, она становится все более ощутимой в условиях структурных сдвигов, сопровождающих модернизацию и реформы (увольнений с неэффективных предприятий, обезземеливания части крестьянства,

старения населения и т. д.). Высокая норма сбережения обеспечивает инвестиционный процесс финансовыми ресурсами, но у нее есть и оборотная сторона – потребительский спрос расширяется сравнительно медленно, и потенциально емкий внутренний рынок страны на деле не является в должной мере опорой экономического роста (Ши Цзяньхуа, Чжу Хайтин 2004: 66–74; Ли Вэньсин и др. 2008: 118–129). Эти обстоятельства с особой силой проявились в ходе экономического цикла 2002–2008 гг.

Сам перелом циклической динамики, выход из дефляции, переход к новому оживлению экономики на этот раз были обусловлены не столько внутренними предпосылками, сколько влиянием внешнеэкономических факторов: активизацией экспортной экспансии после присоединения Китая к ВТО, резким усилением притока в страну спекулятивного капитала из-за рубежа в результате новых мер финансовой либерализации. Роль экспорта как еще одного, наряду с инвестициями, ключевого фактора экономического роста в Китае за последние годы резко возросла. Благодаря увеличению экспорта и притоку капитала происходило быстрое накопление валютных резервов, которое стало главным механизмом снабжения экономики ликвидностью. Денежная политика властей в таких условиях во многом утратила автономию и стала зависимой от внешнеэкономической сферы.

Избыточная ликвидность привела к очередному «перегреву» экономики и скачку инфляции во второй половине 2007 г. Если в предыдущие годы власти пытались осуществлять финансовые рестрикции выборочно, то с конца 2007 г. они были вынуждены задействовать весь арсенал мер антиинфляционной политики: повышать процентные ставки и нормы обязательного резервирования, квотировать кредитную эмиссию банков, ускорить ревальвацию юаня, снижать нормы возмещения НДС экспортерам и т. д. И если в предыдущие годы, в период высокой международной конъюнктуры, китайская экономика практически не реагировала на ограничительную политику властей и продолжала ускоряться, то в течение 2008 г. комбинация внутренних и внешних факторов стала работать в противоположном направлении.

Уже в первой половине 2008 г. прирост китайского экспорта стал замедляться из-за кредитных ограничений, ревальвации юаня и роста издержек на оплату труда, а затем и из-за воздействия начавшейся в развитых странах рецессии. С конца 2007 г. произошел перелом тенденций на китайских рынках акций и недвижимости, где до этого разворачивался обусловленный избыточной ликвидностью спекулятивный бум. А когда в сентябре – октябре 2008 г.

международный финансовый кризис перешел из вялотекущей в острую форму, то китайская экономика испытала крупномасштабный внешний шок, сопровождавшийся не только обрушением показателей экспорта и импорта, но и резким замедлением прироста инвестиций и промышленного производства. По официальным данным поквартальные показатели экономического роста в конце 2008 – начале 2009 г. замедлились до 6–6,5 %, но есть основания полагать, что замедление хозяйственной динамики было гораздо более существенным. С октября 2008 г. по июнь 2009 г. отмечалось сокращение потребления электроэнергии, наиболее глубоким оно было в январе 2009 г. (–6,1 %). Прирост налоговых поступлений в бюджет в предыдущие годы был в 2–3 раза выше темпов экономического роста, а с сентября 2008 г. он тоже стал отрицательным. В первом квартале 2009 г. сокращение фискальных поступлений в консолидированный бюджет составило 8,3 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (Цзинцзи гуаньча бао, 2009, 29 июня, 13 июля; Жэньминь жибао хайвай бань, 2009, 14 апреля).

С февраля 2009 г. в китайской экономике снова началась дефляция. Внутренние изъяны модели экономического роста, основанной на инвестициях и экспорте при недостатке внутреннего потребительского спроса, зависимой от состояния международных рынков, были очевидны и раньше. Но теперь выправление сложившихся перекосов стало предметом не только долгосрочной структурной, но и краткосрочной антикризисной политики.

В конце 2008 – начале 2009 г. китайские власти задействовали практически все доступные методы для поддержания экономического роста в стране:

– в области *фискальной политики* был одобрен рассчитанный на 2009–2010 гг. пакет расходов на общую сумму в 4 трлн юаней, включающий в себя ассигнования на инфраструктурное строительство, социальные, природоохранные мероприятия; с начала 2009 г. осуществлена реформа НДС, предполагающая выведение из-под налогообложения инвестиционных расходов предприятий;

– в области *денежной политики* было осуществлено неоднократное снижение процентных ставок и норм обязательного резервирования, отменено квотирование кредитной эмиссии банков;

– в области *внешнеторговой политики* было проведено несколько туров повышения норм возмещения экспортного НДС;

– в области *валютной политики* с помощью интервенций Центробанка было временно заблокировано действие тенденции к укреплению курса юаня;

– в области *промышленной политики* были приняты планы «оживления» и реструктуризации 10 ведущих отраслей хозяйства (автомобильная промышленность, машиностроение, судостроение, электроника, текстильная промышленность, легкая промышленность, нефтехимия, черная металлургия, цветная металлургия, оптовая торговля);

– в области *социальной политики* было объявлено о начале крупномасштабной реформы системы здравоохранения.

Уже к середине 2009 г. определенное оживление экономики было достигнуто. Но, судя по всему, обеспечено оно было опять-таки за счет реанимации инвестиционного процесса, причем его лидерами на этот раз выступали непосредственно государственные инвестиции. Иначе говоря, прежняя модель экономического роста пока воспроизводится в еще более утрированной форме. К тому же вливания государственных денег в экономику способствовали тому, что с середины 2009 г. на фондовом рынке и рынке недвижимости снова начали надуваться «мыльные пузыри», формирующие риски для макроэкономической стабильности уже на краткосрочную перспективу. Травматичная, но благотворная функция кризиса должна была бы по идее состоять в «расчистке» рынка от излишка предложения. Однако на деле в результате новой инвестиционной накачки экономики проблема избыточных

производственных мощностей не только не решалась, но и еще более усугублялась: согласно официальным данным Госсовета КНР, если в 2006 г. она была выраженной в 10 отраслях экономики, то в середине 2009 г. – уже в 19 отраслях (Цзинцзи гуаньча бао 2009, 31 августа). В любом случае «переключение» китайской экономики на обслуживание внутреннего потребительского спроса будет относительно длительным процессом, требующим углубления институциональных реформ. Между тем от его успеха во многом зависит выправление общемировых дисбалансов, накопление которых стало фундаментальной причиной финансового кризиса.

Когда говорят о его причинах, то речь обычно заходит о том, что лопнул «мыльный пузырь» на американском рынке ипотечного кредитования, а вырос он из-за проводившейся ФРС сверхмягкой денежной политики. Но уместно поставить вопрос: почему американские денежные власти могли проводить такую политику, не опасаясь вызвать всплеска инфляции на потребительских товарных рынках? Очевидно, это стало возможным прежде всего благодаря товарному импорту из развивающихся стран, где цены на производственные ресурсы, в том числе рабочую силу, низкие, и к числу таких стран как раз и относится Китай, который уже стал вторым по значению после Канады внешнеторговым партнером США. Так что в этом плане двустороннее взаимодействие и создало условия для экспансионистской политики американских властей, которая способствовала углублению диспропорций в американской экономике – гипертрофированному потребительскому буму на кредитной основе, поддержанию аномально низкой нормы сбережения и огромного торгового дефицита.

Но при детальном рассмотрении выясняется, что ситуация в китайской экономике является зеркальным отражением американской: у Китая, наоборот, завышенная норма сбережения, внутренний потребительский рынок в недостаточной степени является опорой экономического роста, экономика «перекошена» в сторону экспортного сектора, и этому тоже способствовала экономическая политика, в китайском случае это практиковавшееся много лет занижение валютного курса юаня. Внешним проявлением этих дисбалансов было ускоренное

накопление китайских валютных резервов. А отсюда еще одна связь, которая окончательно замыкает цепь дисбалансов: китайские валютные резервы вкладываются в американские государственные облигации, тем самым осуществляется финансирование американских дефицитов госбюджета и торгового баланса, создаются условия для поддержания не только низкой инфляции, но и низких процентных ставок в американской экономике, а американские потребители в кредит за китайские деньги могут покупать китайские же экспортные товары. Такая модель взаимоотношений циклически воспроизводится, но одновременно воспроизводятся и дисбалансы, а потому в известной мере можно сказать, что за кризис «несут ответственность» обе ведущие экономики мира.

В ходе кризиса происходит определенная коррекция дисбалансов, но они заведомо не могут быть преодолены в краткосрочном плане. Судя по поведению китайских официальных лиц и высказываниям китайских экономистов, у КНР нет иллюзий о возможности быстрого изменения нынешней структуры мировой экономики, где лидером остаются США. Но Китай использует сложившуюся в ходе кризиса ситуацию для укрепления своих позиций по целому ряду направлений:

- были высказаны предложения о реформе международной финансовой системы, в том числе была «вброшена» идея о возможности введения на коллективной основе новой резервной валюты;

- вместе с другими странами БРИК КНР добилась пересмотра сложившихся квот в уставном капитале МВФ;

- Китай выступил одним из «подписчиков» на новые облигации МВФ, сделав таким образом шаг к диверсификации структуры собственных валютных резервов;

- китайские компании используют удешевление активов для массированного проникновения в зарубежные экономики, особенно интенсивно скупаются акции сырьевых компаний.

Вместе с тем большинство китайских экспертов отвергает выдвинутую некоторыми западными аналитиками идею G-2 (совместной ответственности США и КНР за регулирование общемировых финансово-экономических взаимосвязей),

обосновывая это недостаточной развитостью самой китайской экономики, наличием в стране множества нерешенных проблем. По-видимому, за этим скрываются не только тактические соображения, но и осознание реальной непредсказуемости дальнейшего развития ситуации в Китае.

Литература

Ван Шаопин, Ху Цзинь. 2009. Декомпозиция тенденций циклического изменения китайского ВВП и связанный с ней устойчивый стохастический эффект. *Цзинцзи яньцзю* 4 (на кит. яз.).

Ли Вэньсин, Сюй Чаншэн, Ай Чуньжун. 2008. Возрастная структура населения и тенденции потребления домохозяйств в Китае: 1989–2004 гг. *Цзинцзи яньцзю* 7: 118–129 (на кит. яз.).

Лю Шучэн. 1997. *Циклические колебания в китайской экономике: новый этап.* Шанхай.

Лю Шучэн, Чжан Ляньчэн, Чжан Пин (ред.) 2008. *Экономический рост и экономический цикл в Китае.* Пекин.

Мозиас, П. М. 2007. Экономика Китая в начале XXI века: новые вызовы и поиски ответов на них. В: Фаминский, И. П. (ред.), *Национальная экономика в условиях глобализации.* М.: Магистр.

Ши Цзяньхуа, Чжу Хайтин. 2004. Сбережения китайского городского населения и степень предохранительной мотивации при их формировании: 1999–2003 гг. *Цзинцзи яньцзю* 10: 66–74 (на кит. яз.).